

ГОЛОВНИНА Юлия Сергеевна,
магистрант, Вятский государственный университет,
Киров, Россия,
тел.: +7-912-710-11-79,
e-mail: stud207293@vyatsu.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИИ ЗАЩИТЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

АННОТАЦИЯ. В статье проведён комплексный сравнительно-правовой анализ функции защиты в уголовном судопроизводстве России и ряда зарубежных стран. Исследована многоуровневая структура понятия защиты, организационные модели оказания бесплатной юридической помощи по назначению, процессуальные полномочия защитника на досудебных стадиях, а также механизмы охраны прав потерпевших. На основе сопоставления систем США, Германии, Англии и Уэльса, а также стран СНГ выявляются как успешные зарубежные практики, так и типичные дисфункции, характерные и для российской модели. Обоснована необходимость создания институционального посредника между защитой и обвинением, расширения процессуальных гарантий адвоката и формирования специализированных компенсационных фондов для потерпевших.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: функция защиты, уголовное судопроизводство, защита по назначению, состязательность сторон, права потерпевшего, адвокатская деятельность.

GOLOVNINA Yulia Sergeevna,
master's student, Vyatka State University,
Kirov, Russia

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PROTECTIVE FUNCTION IN RUSSIA AND ABROAD

ANNOTATION. The article provides a comprehensive comparative legal analysis of the defense function in criminal proceedings in Russia and a number of foreign countries. The multi level structure of the concept of defense, the organizational models for providing free legal assistance by appointment, the procedural powers of the defense attorney at the pre trial stages, as well as the mechanisms for protecting the rights of victims are examined. Based on a comparison of the systems of the USA, Germany, England and Wales, as well as the CIS countries, both successful foreign practices and typical dysfunctions characteristic of the Russian model are identified. The necessity of creating an institutional intermediary between the defense and the prosecution, expanding the procedural guarantees for lawyers, and establishing specialized compensation funds for victims has been substantiated.

KEY WORDS: the defense function, criminal proceedings, appointed defense, adversarial nature of the proceedings, the rights of the victim, legal practice.

Введение. Конституция Российской Федерации закрепляет за каждым право на получение квалифицированной юридической помощи, а в установленных законом случаях — на её безвозмездное оказание. Данное положение выступает не просто декларацией, а фундаментальным основанием для построения всей системы уголовного судопроизводства, где функция защиты занимает центральное место в обеспечении баланса между интересами государства, общества и конкретной личности. В этой связи сравнительно-правовое исследование того, как данная функция реализуется в различных правовых системах, приобретает особую научную и практическую значимость.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что универсальные подходы к

организации защиты в уголовном процессе демонстрируют ограниченную пригодность при переносе их в иную правовую среду. Каждая юрисдикция обладает собственной спецификой, определяемой историческим контекстом, уровнем развития демократических институтов и особенностями правоприменительной практики. По этой причине механическое заимствование зарубежных моделей без учёта национальных условий способно не только не решить имеющихся проблем, но и породить новые. Вместе с тем обращение к иностранному опыту остаётся необходимым инструментом поиска эффективных решений, позволяющим выявить как успешные практики, так и типичные ошибки.

Целью настоящей работы выступает комплексный сравнительно-правовой анализ функ-

ции защиты в уголовном судопроизводстве России и ряда зарубежных стран. Для достижения указанной цели последовательно рассматриваются сущностное содержание понятия защиты, организационные модели оказания бесплатной юридической помощи, процессуальные полномочия защитника, а также механизмы охраны прав потерпевших и иных участников процесса.

Результаты. Прежде всего необходимо определить, что именно понимается под функцией защиты в уголовно-процессуальном контексте. Анализ действующего законодательства показывает, что данное понятие используется в нескольких значениях. С одной стороны, защита выступает как уголовно-процессуальная функция, выполняемая участниками со стороны защиты — подозреваемым, обвиняемым и их защитниками. С другой стороны, она проявляется как одно из проявлений назначения уголовного судопроизводства в целом, реализуемое не только участниками со стороны защиты, но и иными лицами, включая должностных лиц, наделённых властными полномочиями. Помимо этого, защита понимается как охрана прав потерпевшего, как государственная защита свидетелей и иных участников, а также как защита интересов государства и муниципальных образований.

Подобная многозначность характерна не только для российского правопорядка. В уголовно-процессуальных кодексах стран ближнего зарубежья — Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан — также выделяется группа участников, объединяющая лиц с противоположными процессуальными функциями под общим наименованием участников, защищающих свои или представляемые права и интересы. При этом российский законодатель пошёл по иному пути, разграничив участников со стороны защиты и со стороны обвинения в отдельных главах УПК РФ. Стоит отметить, что подобная дифференциация, хотя и обеспечивает большую процессуальную ясность, не отменяет того обстоятельства, что охранительная деятельность властных субъектов по отношению к потерпевшему фактически является составной частью защиты в широком смысле [1].

Переходя к организационным аспектам, следует обратиться к институту защиты по назначению, который выступает ключевым механизмом реализации конституционной гарантии для лиц, не имеющих возможности заключить соглашение с адвокатом. В современной России данный институт переживает системный кризис, проявляющийся в нескольких взаимосвязанных дисфункциях. Наиболее острой среди них является феномен адвокатов, фактически сотрудничающих со следствием и склоняющих подзащитных к даче признательных показаний. Причиной подобного явления служит не столько этическая недобросовестность отдельных юристов, сколько

институциональная зависимость, порождаемая процедурой назначения защитника и порядком оплаты его труда. Низкие и несвоевременно выплачиваемые ставки вознаграждения делают адвокатов экономически уязвимыми перед должностными лицами, оформляющими документы на оплату [2].

В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос о процессуальном положении защитника на досудебных стадиях. Российское уголовное судопроизводство признаётся смешанным, сочетающим состязательность с тем, что права стороны защиты в его реализации существенно ограничены. Все ключевые решения о движении уголовного дела — приостановление, прекращение, привлечение лица в качестве обвиняемого, направление дела в суд — принимает следователь или дознаватель, относящийся к стороне обвинения. Защитник при этом практически не имеет возможности оказать влияние на указанные решения. Более того, результаты реализации адвокатом права по собиранию доказательств теми средствами, которые определены процессуальным законом, доказательствами в строгом процессуальном смысле не являются и приобрести таковой статус могут только после их признания органами уголовного преследования [3].

Данное обстоятельство порождает обоснованные предложения о расширении полномочий защитника. В частности, высказывалась идея наделения адвоката правом на составление защитительного заключения, которое оглашалось бы наряду с обвинительным в суде. Предлагается, что подобная мера способна систематизировать позицию защиты и обеспечить более полное воплощение принципа состязательности. Однако абсолютного равенства сторон достичь невозможно ввиду того, что на стороне обвинения действуют институты власти, отличающиеся большей степенью организации и разветвлённым аппаратом.

Обращение к зарубежному опыту позволяет выявить альтернативные институциональные решения.

Система Соединённых Штатов Америки характеризуется многообразием подходов: на уровне штатов и округов сосуществуют офисы общественных защитников, система назначаемых частных адвокатов и контрактные системы. Ключевым принципом, закреплённым в стандартах Американской ассоциации юристов, является независимость функции защиты от судебной и исполнительной власти, для чего создаются специальные независимые комиссии. Вместе с тем американская система страдает от хронического недофинансирования и чрезмерной нагрузки на защитников. При этом эмпирические данные свидетельствуют, что система общественных защитников часто является более экономически эффективной и обеспечивает лучшие

процессуальные результаты для клиентов.

Немецкая модель представляет собой систему, основанную исключительно на привлечении частнопрактикующих адвокатов. Назначение защитника судом происходит в случаях так называемой необходимой защиты, перечень которых строго определён законом и обусловлен прежде всего сложностью дела, а не только имущественным положением обвиняемого. Финансирование осуществляется из бюджетов федеральных земель, а в случае вынесения обвинительного приговора осуждённый, как правило, обязан возместить государству расходы на назначенного ему защитника.

Гибридная модель Англии и Уэльса сочетает элементы обеих систем. Основная часть юридической помощи оказывается частными юристами, работающими по контрактам с государственным Агентством по юридической помощи. Наряду с этим существует штатная Служба общественных защитников, которая финансируется указанным агентством и функционирует наравне с частными фирмами. Опыт данной юрисдикции демонстрирует крайнюю уязвимость системы перед политикой жёсткой экономии, которая приводит к оттоку кадров и снижению качества услуг.

Сравнительный анализ показывает, что российская система, будучи по своей сути моделью с привлечением частных адвокатов, страдает от фундаментального дефекта — отсутствия институционального буфера между защитой и стороной обвинения. В США, Англии и Германии, несмотря на все их различия и внутренние проблемы, функции администрирования юридической помощи отделены от органов, осуществляющих уголовное преследование. В России же эти функции исторически сосредоточены в руках следователей и судей, что и порождает системную зависимость [2].

Отдельного рассмотрения заслуживает опыт стран СНГ. На примере России, Кыргызстана и Казахстана прослеживается общая тенденция: институт защиты занимает важное место в правовых системах указанных государств, что отражено в конституциях, отраслевых законах и нормативных актах этического характера. При этом наблюдаются усилия по централизации адвокатского сословия и переносу контрольных функций на руководящие органы адвокатского самоуправления.

Интерес представляет вопрос об этическом регулировании адвокатской деятельности. В России действует Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый Всероссийским съездом адвокатов. В Кыргызской Республике ранее существовали аналогичные правила, утверждённые приказом Министерства юстиции, однако они утратили силу. В Казахстане единый документ отсутствует, хотя на уровне отдельных коллегий принимаются локальные акты. Стоит отметить, что эффективность реализации этических норм

напрямую зависит от принадлежности адвоката к профессиональному сообществу, а установление контроля за соблюдением подобных положений вступает в известное противоречие с принципом независимости защитника [4].

Важным аспектом функции защиты является вопрос о месте адвоката в процессе доказывания. В англосаксонской правовой семье существуют формализованные стандарты доказывания — такие как перевес доказательств в гражданских спорах и баланс вероятностей в уголовных делах. В континентально-европейском праве, к которому относится и российское, судебное решение принимается на основе свободной оценки доказательств и внутреннего убеждения судьи, что носит существенно более субъективный характер. Бремя доказывания возложено на сторону обвинения, при этом подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Представление доказательств для данного участника является субъективным правом, но не юридической обязанностью.

Законодатель определил защитника как лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь. В данной дефиниции не используются термины «вправе» или «обязан», что определяет лишь общую линию поведения адвоката. Между тем использование процессуальных прав защитником является его неуклонной обязанностью с целью осуществления успешной правовой помощи. В практической деятельности адвокат-защитник регулярно сталкивается с нарушением права на независимую профессиональную помощь путём недопуска к доверителю, сокрытия процессуальной документации и даже применения физической силы. В этой связи разрабатываются законодательные инициативы, направленные на установление ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвокатов, а также на введение обязательной аудио- и видеозаписи допросов [5].

Отдельным направлением сравнительного анализа выступает защита прав потерпевшего. Материальная компенсация причинённого преступлением имущественного вреда является не только правовым, но и глубоко нравственным вопросом. Основным средством его решения в уголовном судопроизводстве выступает гражданский иск. Вместе с тем данный институт не всегда обеспечивает своевременное возмещение: реальные выплаты растягиваются на долгие годы и зависят от случайных факторов, связанных с личными качествами причинителя вреда. В зарубежных странах — Австрии, Германии, Франции, Италии, Испании, Великобритании и ряде других — действуют правовые нормы, предусматривающие выплату компенсации жертвам преступлений из специальных государственных фондов. Французская модель гарантийных фондов, в частности, освобождает потерпевшего от

зависимости от успеха расследования и материального положения преступника.

В России аналогичные фонды отсутствуют. Между тем ещё в 1990 году была предпринята попытка закрепить норму о возмещении государством ущерба, нанесённого собственнику преступлением, однако в 1993 году её действие было приостановлено. В настоящее время обязанность компенсировать потерпевшему причинённый вред могла бы стать правовой обязанностью государства в субсидиарном порядке, при сохранении приоритета взыскания с имущества самого осуждённого. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 года устанавливает прямую ответственность государства перед гражданами, однако России ещё предстоит принять меры к её подписанию и ратификации [6].

Помимо защиты потерпевшего, существенным элементом системы выступает обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Рост преступных посягательств в отношении лиц, сотрудничающих с органами расследования, обуславливает необходимость специальных механизмов охраны. В США с 1971 года функционирует федеральная программа защиты свидетелей, предусматривающая обширный перечень полномочий правоохранительных служб. В Канаде действует аналогичная программа, при этом включение свидетеля требует заключения договора, сбора полных сведений о его личности и рекомендаций правоохранительных органов. В Германии наряду с государственной программой функционирует общественная организация, ежегодно оказывающая финансовую помощь государству в обеспечении охраны жертв преступлений [7].

Защита прав участников уголовного судопроизводства не ограничивается рамками самого процесса. На стадии исполнения судебных решений также выявляется ряд системных проблем. Перегруженность исправительных учреждений, недостаточное финансирование, низкий уровень ресоциализации и реабилитации — всё это затрудняет достижение целей уголовного наказания. По данным Уполномоченного по правам человека, количество обращений осуждённых и заключённых демонстрирует устойчивый рост, при этом основной прирост приходится на жалобы, касающиеся условий содержания. Пути решения включают модернизацию исправительных учреждений, развитие альтернативных форм наказания и создание независимых механизмов контроля [8].

Наряду с судебной защитой, значимую роль играют институты несудебной защиты. Омбудсмен, или уполномоченный по правам человека, осуществляет независимый контроль за соблюдением прав и свобод, рассматривает жалобы граждан и информирует общественность о выявленных нарушениях. В зарубежных странах

под воздействием демократических тенденций правовой статус данного института эволюционирует: в Швеции, например, возник институт пост-омбудсмена, осуществляющего контроль за соблюдением национальных и международных стандартов прав человека. Неправительственные правозащитные организации собирают сведения о нарушениях, способствуют соблюдению международных договоров и осуществляют просветительную деятельность. Однако их работа нередко сталкивается с противоречиями, когда обсуждение правовых вопросов оказывается невыгодным правящим кругам [9].

Заключение. Таким образом, проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, функция защиты в уголовном судопроизводстве обладает многоуровневой структурой, включающей как узкое процессуальное понимание — деятельность защитника и обвиняемого, — так и широкое, охватывающее охранительную деятельность государства, обеспечение безопасности участников и компенсацию причинённого вреда. Подобная многозначность характерна для большинства исследованных правопорядков.

Во-вторых, ключевой дисфункцией российской модели защиты по назначению является отсутствие институционального буфера между защитой и обвинением. Зарубежный опыт — американские независимые комиссии, английское Агентство по юридической помощи, немецкая система финансирования из бюджетов земель — демонстрирует, что разделение функций администрирования и преследования является необходимым условием реальной независимости защитника [10].

В-третьих, процессуальные полномочия адвоката в российском досудебном производстве остаются существенно ограниченными. Результаты собирания доказательств защитником не приобретают доказательственного значения без признания их органами уголовного преследования, что ставит под сомнение полноту реализации принципа состязательности на данных стадиях.

В-четвёртых, защита прав потерпевшего в части материального возмещения вреда в России существенно уступает зарубежным моделям, где действуют специализированные государственные фонды. Создание аналогичного механизма в субсидиарном порядке представляется обоснованным направлением реформирования.

В-пятых, страны СНГ демонстрируют общую тенденцию к централизации адвокатского сообщества и усилению роли органов самоуправления, что обусловлено стремлением обеспечить конституционное право на квалифицированную юридическую помощь. При этом этическое регулирование адвокатской деятельности в различных государствах осуществляется неоднородно

и нередко носит декларативный характер.

Полученные результаты подтверждают, что реформирование функции защиты в российском уголовном судопроизводстве требует не точечных изменений, а комплексного подхода, включающего создание независимого административного органа, пересмотр системы оплаты труда

адвокатов по назначению и расширение процессуальных гарантий защитника. Реализация указанных мер будет способствовать укреплению принципа состязательности и более полной реализации конституционных гарантий граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Список литературы:

- [1] Насонова И. А., Гилева А. А. О сущности понятия «защита», используемого в российских уголовно-процессуальных нормах // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 3. С. 160–164.
- [2] Уразбахтин А. М. Сравнительно-правовой анализ института защиты по назначению в Российской Федерации и зарубежных странах: пути реформирования // Закон и власть. 2025. № 1. С. 93–96.
- [3] Смирнов В. А., Перякина М. П. Институт защиты на современном этапе развития уголовного судопроизводства в России // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2(93). С. 92–98.
- [4] Мадмарова Э. А. Место и роль института защиты в правовой системе отдельных стран СНГ // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 10. С. 126–129.
- [5] Авдонин В. А., Авдонина П. Н. Адвокат как активный субъект доказывания в уголовном процессе // Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; уголовный процесс; криминалистика. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2023. С. 292–300.
- [6] Фоменко А. Н. Защита прав потерпевшего: российский и зарубежный опыт // Юриспруденция. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2014. С. 87–93.
- [7] Бабичева В. С. Институт охраны прав участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации и в зарубежных странах // Национальная ассоциация ученых. 2022. № 76. С. 38–40.
- [8] Якубина Ю. П. Защита прав при исполнении судебных решений: системные проблемы // Философия права. 2023. № 4(107). С. 197–203.
- [9] Бухсаева Н. М. Юридические механизмы защиты прав человека: российская практика и зарубежный опыт // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2(116). Ч. 3. С. 49–51.
- [10] Бобкова А. В. Защита по назначению: международные стандарты и российская практика // Вопросы права. 2025. № 3. С. 72–75.

References:

- [1] Nasonova I. A., Gileva A. A. On the essence of the concept of «defense» used in Russian criminal procedural norms // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 160–164.
- [2] Urazbakhtin A. M. Comparative legal analysis of the institution of court-appointed defense in the Russian Federation and foreign countries: avenues for reform // Law and Power. 2025. No. 1. P. 93–96.
- [3] Smirnov V. A., Peryakina M. P. The institution of defense at the current stage of development of criminal proceedings in Russia // Siberian Legal Bulletin. 2021. No. 2(93). P. 92–98.
- [4] Madmarova E. A. The place and role of the institution of defense in the legal systems of certain CIS countries // Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan. 2017. No. 10. P. 126–129.
- [5] Avdonin V. A., Avdonina P. N. The defense attorney as an active participant in the evidentiary process in criminal proceedings // Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law; Criminal Procedure; Criminalistics. Yekaterinburg: Ural State Law University, 2023. P. 292–300.
- [6] Fomenko A. N. Protection of the victim's rights: Russian and foreign experience // Jurisprudence. Krasnodar: Kuban State University, 2014. P. 87–93. [7] Babicheva V. S. The institution of protecting the rights of participants in criminal proceedings in the Russian Federation and foreign countries // National Association of Scientists. 2022. No. 76. P. 38–40.
- [8] Yakubina Yu. P. Protection of rights during the enforcement of court judgments: systemic problems // Philosophy of Law. 2023. No. 4(107). P. 197–203.
- [9] Bukhsaeva N. M. Legal mechanisms for human rights protection: Russian practice and foreign experience // International Research Journal. 2022. No. 2(116). Part 3. P. 49–51.
- [10] Bobkova A. V. Court-appointed defense: international standards and Russian practice // Issues of Law. 2025. No. 3. P. 72–75.

